

Гранатовое дерево / рассказ

Category: Çagalar edebiýaty, Kitapcy

написано kitapcy | 22 января, 2025

Гранатовое дерево / рассказ ГРАНАТОВОЕ ДЕРЕВО

У самого края двора, за домом, раскинуло свою пышную крону гранатовое дерево, посаженное еще в дни моего детства.

Я учился уже в десятом классе, когда увидел вдруг, как горько плакала под этим деревом моя мама. Увидел я это случайно. Тем летом, мечтая поступить в университет, я долгие часы проводил в густой тени старого тутовника, готовясь к вступительным экзаменам. Однажды, разомлев от жары я, незаметно для себя, задремал.

Разбудили меня плач и причитания. Слегка приподнявшись, я увидел под гранатовым деревом маму. Задыхаясь от плача, она приговаривала сквозь слезы:

– Где же ты, мой ягненок, где ты, мой сынок?

Это дерево посадил мой старший брат Абдурахим перед уходом на фронт. Домой он не вернулся, пропал без вести. Я подбежал к маме и попытался успокоить ее. Я рассказал ей об одном парне из Керки, родители которого получили «похоронку», а совсем недавно сын их, живой и невредимый, вернулся домой. Я горячо убеждал маму:

– Брат жив, он вот-вот вернется. Придет со стороны вон того поля джугары, в одной руке у него будет чемодан, а в другой – шинель.

Мама обратила печальный взгляд в сторону Мекки и молитвенно сложила ладони:

– Да сбудутся слова твои! Двадцать лет было брату твоему,

когда он ушел на войну. Сейчас ему уже тридцать...если жив... Ах, сынок, где ты теперь? Если б я могла увидеть тебя снова хоть раз, то покинула бы этот мир без сожалений. Где ты, радость моя, свет очей моих, сердце мое? Истосковалась я по тебе... Неужели я никогда больше не увижу тебя, верблюжонок мой?

Гранатовое дерево, посаженное братом, было не единственным в нашем дворе, но оно отличалось от других: было гораздо выше, пышнее. Может, оно стало таким, впитав корнями мамины слезы? Или, зная, что могучей статью своей напоминает нам облик брата, гордится этим и тихо шепчет густой листвой:

– Плачь, мать, ведь от сына твоего осталась только одна память – это я, дерево. Приходи сюда чаще, вспоминай Абдурахима, и я одарю всех чудесными плодами.

Обращаясь мыслями к дереву, я часто спрашивал:

– Ты, дерево, столько видело наших страданий и нашего горя, что, наверное, привыкло к ним? Ты, конечно, помнишь тропинку, которую протоптали в военное лихолетье к нашему дому соседские ребятишки? Им, маленьким мальчишкам, было тогда лет по пять-шесть. Они просыпались по утрам от холода, их душил жестокий кашель. Они часто прибегали к нам то за щепоткой соли, то за горячими угольками для разжигания очага.

Мама старалась поддерживать огонь в печке, там всю ночь тлели дрова из тутового корневища. И соседские ребятишки, утопая босыми ножками то в снегу, то в непролазной грязи, бежали искать катышки сухого ослиного навоза, чтобы, положив на них пылающие угольки, донести огонь до своего очага.

Ты, гранатовое дерево, конечно, помнишь этих ребятишек, помнишь и меня, прибегавшего к тебе со своим недетским горем. Учился я тогда в пятом классе, а после уроков работал почтальоном. Тяжело было мне таскать резавшую худенькое плечо увесистую черную сумку, но еще тяжелее было протягивать адресатам запечатанные конверты, не зная, какие вести таятся в них.

Нередко случалось так, что из дома, куда я только что принес письмо, доносились мне вслед раздирающие душу громкие рыдания. И я, заливаясь слезами, бежал к тебе, дерево, я плакал от жалости к людям и ненавидел в эти минуты свою работу. И потом, перед тем, как разносить почту, я приходил к тебе, раскладывал на земле конверты и долго смотрел на них, пытаюсь проникнуть в тайны, которые несли запечатанные в них письма. Как молился я, чтобы в них не оказалось страшных вестей! Ты слышало мои

молитвы, гранатовое дерево, ты ведь и сейчас помнишь их.

А наша соседка? Она давно ждала письма от ушедшего на фронт мужа, но о нем ничего не было известно. Я пытался успокоить ее:

– Вы же знаете, как долго идут вести с фронта, может быть, письмо для вас уже в пути. Вот от Мухаммеда столько времени не было ничего, а сегодня я своими руками вручил письмо его семье.

Соседка наша, конечно, понимала, что я немедленно примчался бы, приди конверт на ее адрес, и все-таки, понимая это, она спрашивала снова и снова, нет ли весточки с фронта. Невозможно передать словами, как трудно было мне, мальчишке, чуть слышно произносить «ничего пока нет», видя в глазах встречных односельчан один и тот же немой вопрос. И это ты знаешь, дерево, ты свидетель всему, что происходило со мной.

Как ты выросло с тех пор, гранатовое дерево, каким стало высоким и пышным! С того дня, как ушел брат, прошло много времени, ты плодоносило уже тридцать пять раз. В первый год ты дало лишь три граната, потом – десять, а на третий год плодов было уже шестьдесят восемь. А сейчас ты каждую осень одариваешь нас богатым урожаем, и, держа в руке крупный, красивый гранат, я думаю о том, что это дерево – единственная память, которую оставил о себе мой брат Абдурахим.

Маме уже не под силу ухаживать за всеми деревьями в саду. Но о гранатовом она заботится с прежней нежностью и каждый день приходит навестить его.

Какым ТАНГРЫКУЛЫЕВ. Çağalar edebiyatı